

Безумная звезда

Автор:

[Терри Пратчетт](#)

Безумная звезда

Терри Пратчетт

Плоский мир Ринсвинд, Коэн и волшебники #2

Он висел над пропастями, бежал от злобных богов и падал с Края Плоского мира. Но ничто не в силах погубить славного Ринсвинда, самого неумелого и трусливого волшебника Диска. Также в ролях: Двацветок (турист), Октаво (волшебная книга заклинаний), Сундук (сундук), Коэн (варвар), друиды, герои и прочие обитатели Плоского мира.

Терри Пратчетт

Безумная звезда

Солнце поднималось медленно, словно не было уверено в том, что это стоит таких усилий.

Над Диском занимался еще один день. Разгорался он очень неторопливо, и вот почему.

Когда свет встречается с сильным магическим полем, он тут же теряет всякое представление о спешке и мгновенно замедляет скорость. А на Диске магия до неприличия сильна, из чего следует, что мягкий желтый утренний свет скользил по спящему пейзажу, будто прикосновение нежного любовника или, как выразились бы некоторые, словно золотистый сироп. Периодически он притормаживал, чтобы заполнить долины. Скапливался у горных хребтов.

Достигнув Кори Челести, десятимильного шпиля из серого камня и зеленого льда, отмечающего Пуп Диска и служащего домом местным богам, свет начал громоздиться ввысь. И, наконец, обрушился гигантским, ленивым, бесшумным, как бархат, цунами на расстилающийся дальше темный ландшафт.

Подобного зрелища не увидишь больше нигде.

И это естественно, ведь другие миры не передвигаются по звездной бесконечности на спинах четырех исполинских слонов, которые стоят на панцире гигантской черепахи. Звали Ее – или, согласно другой школе философской мысли, Его – Великий А’Туин. Она – или, может статься, Он – не сыграет в последующих событиях важной роли, но для понимания Диска жизненно важно знать, что Она – или Он – находится там, внизу, под залежами руд, морским илом и фальшивыми ископаемыми костями, положенными туда Создателем, которому делать больше нечего, кроме как сбивать с толку археологов и внушать им дурацкие теории.

Звездная черепаха Великий А’Туин, чей панцирь покрыт коркой замерзшего метана, изрыт метеоритными кратерами и отшлифован астероидной пылью. Великий А’Туин, чьи глаза похожи на древние моря, а мозг размером с континент, по которому скользят маленькие сверкающие ледники-мысли. Великий А’Туин, обладатель огромных, медлительных ласт и отполированного звездами щитка, медленно, с трудом плывущий сквозь галактическую ночь и несущий на себе всю тяжесть Диска. Огромный, как миры. Древний, как Время. Безропотный, как кирпич.

Ну, вообще-то, тут философы заблуждаются. На самом деле Великий А’Туин оттягивается на полную катушку.

Великий А’Туин – это единственное существо во вселенной, которое абсолютно точно знает, куда оно направляется.

Конечно, философы уже много лет спорят о том, куда может направляться Великий А’Туин, и часто выказывают беспокойство тем, что они никогда этого не узнают.

Но им суждено узнать это месяца через два. И вот тогда они попляшут...

Тех философов, у кого фантазия была побогаче, волновал несколько иной вопрос: каков все-таки пол Великого А'Туина? Они затратили немало времени и трудов, пытаясь разрешить эту загадку раз и навсегда.

И вот сейчас, по мере того как огромный темный силуэт проплывает мимо, подобно бесконечной расческе из черепашьего панциря, мы можем наблюдать результаты последних деяний этих философов.

То, что, кувыркаясь, проносится рядом, – это вышедшая из-под контроля бронзовая оболочка «Могучего Вояжера», этакого космического корабля эпохи неолита, построенного и вытолкнутого в пространство жрецами-астрономами Крулла. Это королевство очень удобно расположилось на самом Краю света и недавно доказало, что такая штука, как космонавтика – в данном случае рептилионавтика, – существует даже на Плоском мире.

Внутри корабля находится Двацветок, первый турист Плоского мира. Недавно он провел несколько месяцев, путешествуя по Диску, а теперь стремительно покидает его по причинам, которые довольно-таки запутанны, но имеют некоторое отношение к попытке бегства из Крулла.

Эта попытка удалась на тысячу процентов.

Однако, несмотря на то что Двацветок вполне может стать первым и последним туристом Диска, он тем не менее всю наслаждается открывающимся видом.

Следом за ним, поотстав мили на две, падает волшебник Ринсвинд, облаченный в то, что на Диске считается скафандром. Скафандр этот чем-то напоминает водолазный костюм, созданный людьми, которые никогда не видели моря. Шесть месяцев назад Ринсвинд был совершенно обычным неудавшимся волшебником. Потом он встретил Двацветка, за совершенно возмутительную сумму денег стал его гидом, и с тех пор жизнь Ринсвинда круто изменилась. Он подвергался обстрелам, запугиваниям, преследованиям, висел без всякой надежды на спасение над всякими пропастями и – как, например, сейчас – падал с огромной высоты.

У него нет времени любоваться видами, потому что перед его глазами бесконечной вереницей проносится прошлая жизнь, которая заслоняет весь обзор. Он постепенно начинает понимать, почему, надев скафандр, так важно не

забыть прихватить с собой шлем.

Много можно было бы добавить, чтобы объяснить, почему эта парочка покидает свой мир и почему Двацветков Сундук, который в последний раз видели прыгнувшим вслед за хозяином, – это не совсем обычный предмет багажа. Однако подобные вопросы требуют времени, которое не стоит на них тратить. К примеру, однажды на одной вечеринке знаменитого философа Лай Тинь Видля спросили: «Почему вы здесь?» Ответ занял три года.

Что гораздо более важно, так это события, происходящие наверху, высоко над А’Туином, слонами и быстро теряющим кислород волшебником. Самая ткань пространства и времени вот-вот будет пропущена через мясорубку.

Воздух был характерно маслянистым на ощупь и едким. Здесь царила магия и дымили свечи из черного воска, о точном происхождении которого мудрый человек не станет расспрашивать.

В этой комнатке, расположенной глубоко в подвалах Незримого Университета, ведущего магического учебного заведения Плоского мира, присутствовало нечто очень странное. Прежде всего, у нее было слишком много измерений, не то чтобы видимых, но бродящих где-то рядом, вне поля зрения. Стены были покрыты оккультными символами, а большую часть пола занимала Восьмикратная Печать Застоя. Эта печать, по общепризнанному в волшебных кругах мнению, обладала поразительной сдерживающей силой, которой может похвастаться лишь летящий прямо в цель кирпич.

Единственной мебелью в комнате была кафедра из темного дерева, вырезанная в форме птицы, – ладно, ладно, если честно, в форме некоего крылатого существа, к которому, впрочем, лучше не присматриваться. На этой кафедре, обмотанная тяжелой цепью с замками, лежала книга.

Большая, но не особенно внушительная книга. У других книг в университетских библиотеках имеются переплеты, инкрустированные редкими камнями и восхитительным деревом или обтянутые драконьей шкурой. Однако этот фолиант был переплетен в довольно потрепанную кожу. С виду он походил на те книги, которые описываются в библиотечных каталогах как «слегка потрепанные», хотя честнее было бы признать, что его не только «трепали», но

грызли, кусали и, возможно, драли когтями.

Металлические застёжки удерживали его в закрытом положении. Особенной красотой они похвастаться не могли, зато отличались прочностью – как и цепь, которая не столько прикрепляла фолиант к кафедре, сколько ограничивала его свободу.

Выглядели застёжки так, словно были сработаны человеком, преследовавшим конкретную цель и посвятившим большую часть жизни изготовлению сбруй для слонов.

Воздух сгустился и пошел клубами. Страницы книги начали совершенно жутко, нарочито неспешно потрескивать, а потом из них выплеснулся наружу голубой свет. Тишина охватила комнату, словно медленно сжимающийся кулак.

Полдюжины облаченных в ночные рубашки волшебников по очереди заглядывали внутрь комнатки сквозь небольшую решетку в двери. Поспишь тут, когда вокруг творится такое – аккумулирующаяся сырая магия волной захлестнула Университет.

– Так, – раздался чей-то голос. – Что происходит? И почему не послали за мной?

Гальдер Ветровоск, Верховно-Великий Заклинатель Серебряной Звезды, Имперский Лорд Священного Посоха, Индивидуальнейший Восьмого Уровня и 304-й Аркканцлер Незримого Университета, даже в алой ночной рубашке с вышитыми вручную мистическими рунами, даже в длинном колпаке с помпоном на конце, даже с подсвечником в стиле «Спи-моя-детка» в руке, представлял собой весьма внушительное зрелище. Ему совсем немножко не хватало, чтобы выглядеть импозантным даже в мохнатых шлепанцах в виде зайчиков.

К нему повернулись шесть перепуганных лиц.

– Э-э, но за тобой посылали, господин, – сказал один из волшебников уровнем пониже и услужливо добавил: – Именно поэтому ты здесь.

– Я имею в виду, почему за мной не послали раньше? – рявкнул Гальдер, проталкиваясь к решетке.

– Э-э, раньше чего, господин? – удивился волшебник.

Гальдер свирепо посмотрел на него и отважился бросить быстрый взгляд сквозь решетку.

Воздух в комнате искрился от крошечных вспышек – это частички пыли воспламенялись в потоке сырой магии. Печать Застоя начинала пузыриться и закручиваться по краям.

Кстати, книга, о которой идет речь, называлась Октаво. И надо отметить, что это была необыкновенная книга.

Существует множество знаменитых трудов в области магии. Кое-кто может упомянуть Некротеликомникон, страницы которого сделаны из древней кожи ящериц; некоторые могут указать на «Книгу Священного Перихода, Что Вершится Около Двух», написанную таинственной и довольно ленивой сектой лламаистов; кто-то может припомнить, что «Гримуар Крутой Потехи» содержит единственную во Вселенной оригинальную шутку. Но все они не более чем дешевые брошюры по сравнению с Октаво, книгой, которую Создатель Вселенной с характерной для него рассеянностью позабыл на Диске вскоре после окончания своей грандиозной работы.

Восемь заключенных на ее страницах Заклинаний вели особую, таинственную, запутанную жизнь и, согласно всеобщему мнению...

Гальдер, не отрывая взгляда от ходящей ходуном комнаты, нахмурил брови. Заклинаний, разумеется, осталось всего семь. Некий юный идиот, студент-волшебник, умудрился заглянуть в Октаво, и одно из Заклинаний сразу выскочило наружу, уместившись в его голове. Никому так и не удалось разобраться, как это случилось. Как там звали этого придурка? Рислинг?

На корешке книги сверкали октариновые и пурпурные искры. От кафедры заструился вверх тонкий завиток дыма, а тяжелые металлические застежки, удерживающие гримуар в закрытом положении, аж выгнулись под давлением изнутри.

– Чего это Заклинания разбушевались? – спросил один из младших волшебников.

Гальдер пожал плечами. Он и виду не показал, что происходит нечто страшное, но в глубине души он, честно говоря, перепугался. Как искушенный волшебник восьмого уровня, он видел полувоображаемые силуэты, которые постоянно возникали в трепещущем воздухе и творили угодливые, зазывные жесты. Подобно тому как гроза притягивает мошкар, по-настоящему мощный заряд магии всегда привлекает к себе Тварей из Хаотичных Подземельных Измерений – мерзких Тварей (сплошь как попало слепленные органы и слюна)[1 - Не будем их подробно описывать, поскольку даже самые симпатичные выглядят как помесь осьминога с велосипедом. Хорошо известно, что Твари из Отвратительных Измерений постоянно пытаются проникнуть в эту вселенную, которая в духовном смысле считается местом с хорошим автобусным сообщением и близко расположенными магазинами.], вечно выискивающих щели, через которые можно протиснуться в мир людей.

Этому надо положить конец.

- Нужен доброволец, - твердо сказал Гальдер.

Наступила внезапная тишина. Единственный звук доносился из-за двери. Это был неприятный скрежет металла, расходящегося под неимоверным давлением.

- Что ж, ладно, - подытожил Гальдер. - Тогда мне потребуются серебряные щипцы, примерно две пинты кошачьей крови, маленький хлыстик и стул...

Говорят, противоположность шума есть тишина. Это не так. Тишина – это всего-навсего отсутствие шума. Тишина показалась бы жуткой какофонией по сравнению с внезапным мягким коллапсом бесшумности, который накрыл волшебников, словно разлетевшийся под порывом ветра одуванчик.

Из книги вырвался толстый столб брызжущего света, врезался, полыхнув пламенем, в потолок и исчез.

Гальдер, не обращая внимания на тлеющие участки своей бороды, уставился на образовавшуюся дыру и драматически ткнул в нее пальцем.

- В верхние погреба! - вскричал он и скачками помчался по каменным ступеням.

Остальные волшебники в хлопающих шлепанцах и развевающихся ночных рубашках ринулись за ним, спотыкаясь друг о друга в страстном желании оказаться последними.

Тем не менее все подоспели вовремя, чтобы увидеть, как огненный шар оккультной потенциальности исчезает в потолке, проникая в вышележащую комнату.

– Э-э, – сказал самый младший из волшебников и указал на пол.

До того как сквозь него, яростно расшвыривая вероятностные частицы, пронеслась магия, это помещение являлось частью библиотеки. Так что было резонно предположить, что маленькие пурпурные тритоны имеют нечто общее с паркетом, а ананасовый крем некогда мог быть книгами. Позже несколько волшебников клялись, что невысокий печальный орангутан, сидящий посреди этого хаоса, был подозрительно похож на главного библиотекаря.

Гальдер задрал голову.

– В кухню! – проревел он, скользя по крему к следующему лестничному пролету.

Никто так и не узнал, во что превратился огромный чугунный набор кухонной посуды, потому что он проломил стену и спасся бегством еще до того, как отряд растрепанных, дико вращающих глазами волшебников ворвался в двери. Шеф-повар, ответственный за приготовление овощей, был обнаружен много после; он прятался в котле для супа, невнятно бормоча маловразумительные фразы типа: «Костяшки! О эти жуткие костяшки!»

Последние струйки магии, несколько замедлившие скорость, исчезали в потолке.

– В Главный зал!

Лестница здесь была гораздо более широкой и лучше освещенной. К тому времени, как задыхающиеся, пропахшие ананасами волшебники – те, что повыносливей, – поднялись наверх, огненный шар уже достиг середины огромного, полного сквозняков помещения, которое именовалось Главным залом

Незримого Университета. Там шар и завис. Небольшие протуберанцы время от времени пробегали по его поверхности, угрожая потрескивая.

Волшебники курят, это общеизвестно. Скорее всего, именно этим объяснялся хор замогильного кашля и скрежещущих хрипов, раздавшийся за спиной у Гальдера. Трезво оценив ситуацию, главный волшебник стал прикидывать, а не поискать ли ему какое-нибудь укрытие. Придя к некоему решению, он заграбастал первого попавшегося студента.

– Ну-ка, провидцев, ясновидцев, сновидцев и погруженцев сюда! – рявкнул он. – Пускай изучат эту штуковину!

Внутри огненного шара начал вырисовываться какой-то образ. Гальдер прикрыл глаза рукой и вгляделся в возникающие очертания. Ошибки быть не могло. Перед ним предстала вселенная.

Он был абсолютно уверен в этом, поскольку у него в кабинете стояла модель вселенной – и кстати, согласно всеобщему мнению, модель эта была куда более впечатляющей, чем оригинал. С мелким жемчугом и серебряной филигранью Создатель явно пожадничал.

Но крошечная вселенная внутри огненного шара была неестественно... как бы это сказать... настоящей. Только цвета ей не доставало. Все сияло прозрачной, туманной белизной.

Здесь присутствовали и Великий А'Туин, и четыре слона, и сам Диск. Правда, угол был выбран неудачно, поэтому поверхность Плоского мира Гальдер не разглядел, зато он с холодной уверенностью осознал, что вселенная смоделирована абсолютно точно. После пары попыток ему все же удалось различить миниатюрную копию Кори Челести, на вершине которого жили сварливые, обладающие типично мещанскими вкусами боги, занимающие трехкомнатные квартиры во дворце из мрамора, алебаstra и сплошного коврового покрытия. Мало того, сие сооружение они предпочитали называть Дунманифестин. Всех жителей Диска, претендующих на культурность, всегда здорово раздражало, что ими правят боги, которые считают музыкальный дверной звонок наивысшим достижением артистического духа.

Крошечный зародыш вселенной пришел в движение, медленно наклонился...

Гальдер попытался заорать, но его голос наотрез отказался выходить наружу.

Мягко, но с неотвратимой силой взрыва модель начала расти.

Гальдер сначала с ужасом, а потом с изумлением наблюдал за тем, как она с легкостью мысли проходит сквозь его тело.

Он выставил руку и увидел, как между его пальцами в деловитой тишине струятся бледные призраки скальных пластов.

Великий А'Туин стал больше, чем дом, и мирно исчез под полом.

Волшебники, стоящие за спиной Гальдера, по пояс утопали в морях. Его взгляд привлекла лодочка размерами с наперсток, но течение быстро унесло ее куда-то за стены.

– На крышу! – с трудом выговорил он, указывая дрожащим пальцем в небо.

Те волшебники, у которых еще остались извилины, чтобы думать, и воздух в легких, чтобы бегать, последовали за ним, бороздя континенты, которые беспрепятственно просачивались сквозь каменный пол.

Стояла тихая ночь, подкрашенная обещанием рассвета. Молодой месяц как раз садился. Анк-Морпорк, самый большой город в землях, лежащих у Круглого моря, спал.

Хотя это не совсем верно.

С одной стороны, те части города, которые в обычное время занимались продажей овощей, ковкой лошадей, вырезанием из нефрита небольших изысканных украшений, обменом денег и изготовлением столов, в основном спали. Если не жаловались на бессонницу. Или если не вскочили – с кем не бывает – посреди ночи, чтобы сходить в уборную. С другой стороны, у менее законопослушных граждан сна не было ни в одном глазу. Они, к примеру, забирались в окна, которые принадлежали вовсе не им, резали глотки, грабили

друг дружку, слушали громкую музыку в дымных подвалах – в общем и целом довольно весело проводили время. Но вот большая часть животных точно спала. Если не считать крыс. Ну и, конечно, летучих мышей. Насекомых перечислять не будем.

Дело в том, что сравнения и описания редко бывают точными. Во время пребывания Олафа Квимби II на посту патриция Анка были приняты специальные законы, которые намеревались положить конец этому безобразию и придать изложению событий хоть какую-то правдивость. В общем, если легенда сообщала, что «все говорили о доблести» некоего выдающегося героя, то каждый бард, которому дорога была жизнь, добавлял: «Все, кроме пары жителей его родной деревни, которые считали нашего героя просто треплом, и кучи прочих людишек, которые о нем вовсе не слышали».

Поэтические сравнения были строго ограничены утверждениями типа «его могучий скакун был быстр, как ветер в довольно спокойный день – баллов этак трех», а всякие досужие разговоры о том, что лицо девушки якобы позвало в дальний путь тысячу кораблей, должны были быть подкреплены доказательствами, что девушка и в самом деле смахивала на бутылку шампанского, которую, как правило, разбивают о корму.

Однако Квимби все равно кончил плохо. Он был убит одним недовольным поэтом в ходе эксперимента, проводившегося в дворцовом парке. Поэт горел желанием доказать оспариваемую справедливость поговорки «перо острее шпаги», и в его честь поговорка была дополнена словами: «только если шпага очень уж тупая».

Итак, примерно шестьдесят семь, может быть, шестьдесят восемь процентов города спало. Хотя вряд ли остальные горожане, крадущиеся куда-то по своим, в основном незаконным, делам, заметили струящийся по улицам бледный поток. Только волшебники, привыкшие видеть невидимое, наблюдали за тем, как он пенится в далеких полях.

Диск, будучи плоским, не имеет настоящего горизонта. Всякий склонный к безрассудным затеям моряк, набравшийся дурацких идей после долгого разглядывания яиц и апельсинов и отправившийся искать антиподов, быстро познавал одну простую истину: если плывущие вдалеке корабли исчезают за краем света, значит, они действительно исчезают за Краем света.

Однако клубы тумана и пыль заволокли все окрестности. Гальдер поднял глаза. Высоко над Университетом вздымалась мрачная и древняя Башня Искусства – по слухам, самое старое сооружение на Диске – со своей знаменитой спиральной лестницей из восьми тысяч восьмисот восьмидесяти восьми ступеней. С обнесенной зубчатым парапетом крыши, обиталища воронов и вечно пребывающих на страже горгулий, был виден весь Диск до самого Края. Правда, на крышу эту еще нужно было подняться, а волшебники, как известно, заправские курильщики.

– Чтоб вас всех, – пробормотал Гальдер. – В конце концов, я волшебник или нет? Авиенто, тессалус! Я желаю летать! Ко мне, духи воздуха и тьмы!

Он устремил корявую длань на один из участков осыпающегося парапета. Из-под пожелтевших от никотина ногтей вырвалось октаринное пламя, которое разбилось высоко наверху об источенный временем камень.

Тот упал. Воспользовавшись разницей скоростей, Гальдер, все еще облаченный в ночную рубашку, хлопающую о костлявые лодыжки, поднялся вверх. Он взмывал все выше и выше, прорезая бледный свет словно, словно... ну ладно, словно пожилой, но очень могущественный волшебник, который возносится в небо при помощи большого пальца, со знанием дела нажимающего на чашу весов вселенной.

Гальдер приземлился среди разбросанных по крыше старых гнезд, утвердился на ногах и устремил взгляд вниз, на головокружительное зрелище рассвета Плоского мира.

В это время долгого года Круглое море находилось ближе к сумеречной стороне от Кори Челести, и по мере того, как свет дня вплывал в земли, окружающие Анк-Морпорк, тень этой горы проносилась над поверхностью Диска подобно стрелке солнечных часов Бога. А в сторону ночной стороны, соревнуясь с медлительным светом на пути к Краю мира, продвигалась линия белого тумана.

За спиной у Гальдера захрустели сухие сучки. Он обернулся и увидел Импера Траймона, своего заместителя, – единственного волшебника, у которого хватило способностей и сил последовать за ним.

Гальдер решил пока что не обращать на него внимания. Он лишь покрепче вцепился в каменную балюстраду и подновил личные охранные заклинания. В профессии, которая традиционно даровала долгую жизнь, продвижение по службе было медленным, и все принимали как должное, что более молодые волшебники частенько искали повышения через белые тапочки, которые надевали на конкурентов. Кроме того, юный Траймон был крайне подозрительным типом. Он не курил, пил только кипяченую воду, и у Гальдера временами появлялось неприятное ощущение, что он умен. Траймон мало улыбался, кроме того, ему нравились цифры и организационные графики, на которых изображается куча квадратов со стрелками, тянущимися к другим квадратам. В общем, он относился к тем людям, которые правильно используют слово «персонал».

Весь видимый Диск обтянула мерцающая белая кожа, которая сидела как влитая.

Гальдер опустил взгляд на собственные ладони и увидел, что они также покрыты бледной сетью светящихся нитей, которая повторяет каждое его движение.

Этот вид чар он узнал сразу. Когда-то он и сам их использовал. Только его чары были масштабом помельче – куда как помельче.

– Заклинание Перемены, – отметил Траймон. – Весь мир меняется.

«Порядочные люди, – мрачно подумал Гальдер, – поставили бы в конце подобного заявления восклицательный знак».

В воздухе пронесся наилегчайший из всех чистых звуков, высокий и пронзительный, словно разбилось мышиное сердечко.

– Что это было? – спросил Гальдер.

Траймон склонил голову набок.

– По-моему, до диез, – сказал он.

Гальдер ничего не ответил. Белое мерцание исчезло, и до волшебников донеслись первые звуки пробуждающегося города. Все казалось абсолютно таким же, каким было раньше. И такая катавасия была затеяна исключительно ради того, чтобы оставить все, как прежде?

Волшебник рассеянно похлопал по карманам ночной рубашки и нашел то, что искал, у себя за ухом. Сунув размокший бычок в рот, он вызвал из пальцев мистический огонь и так глубоко затянулся самокруткой, что перед его глазами замелькали маленькие синие огоньки. Пару раз кашлянул.

Он думал изо всех сил.

Гальдер пытался припомнить, который из богов сейчас ему должен.

Вообще-то боги были озадачены происходящим не менее волшебников, но ничего не могли поделать. Тем более что они были заняты старой как мир враждой с Ледяными Великанами, которые некогда замылили у них газонокосилку.

Однако косвенным виновником случившегося явился, как ни странно, Ринсвинд. Только его прошлая жизнь в картинках подошла к довольно интересному моменту, когда ему исполнилось пятнадцать, как он внезапно обнаружил, что погибать и не собирается, а висит вверх ногами на сосне.

Он легко спустился вниз путем неконтролируемого падения с ветки на ветку и в конце концов приземлился, нырнув головой в кучу сосновых иголок, где и остался лежать, глотая ртом воздух и искренне раскаиваясь, что вел себя так плохо.

Где-то здесь, подозревал он, присутствует абсолютно логичная связь. Сначала человек готовится умереть, свалившись с Края света, и вдруг этот самый человек оказывается висящим вверх ногами на дереве.

Как всегда в подобных случаях, в его голове всплыло Заклинание.

Все без исключения учителя Ринсвинда признавали его прирожденным волшебником – ровно в том же смысле, в каком рыба является прирожденным скалолазом. Наверное, его все равно выгнали бы из Незримого Университета – он не мог запомнить ни одного заклятия, а от курения ему становилось плохо. Однако настоящую бурю последствий вызвала его глупая затея пробраться в комнату, где был прикован Октаво, и открыть гримуар.

Что еще более печально, никто так и не понял, почему все замки внезапно оказались отпертыми.

Особых хлопот Заклинание не доставляло. Оно просто сидело у него в голове, как старая жаба на дне пруда. Но стоило Ринсвинду подустать или хорошенько перепугаться, как оно сразу пыталось произвестись. Никто не знал, что случится, если одно из Восьми Великих Заклинаний произнесется само по себе, но все сходились во мнении, что если это таки случится, то наблюдать за зрелищем лучше из соседней вселенной.

Странные мысли для человека, который, свалившись с Края света, очутился вдруг в куче сосновых иголок... У Ринсвинда возникло ощущение, будто Заклинание тоже не желает, чтобы он погибал.

«И меня это вполне устраивает», – подумал он, сел и посмотрел на деревья.

Ринсвинд был городским волшебником. Он, конечно, слышал о том, что между видами деревьев существуют некие отличия, по которым ближайšie друзья и родственники могут их опознать. Однако доподлинно о жизни растительного мира он знал только одно: конец, на котором нет листьев, втыкается в землю. Сейчас деревьев вокруг было слишком много, и, судя по всему, сажали их как попало. А уж не подметали здесь целую вечность.

Он смутно припомнил, что, посмотрев, с какой стороны ствола растет мох, можно определить свое местонахождение. У этих деревьев мох рос где ни попадя, а еще со всех сторон торчали похожие на бородавки наросты и корявые старые ветки. Будь эти деревья людьми, они бы сидели в своих креслах-качалках и не рыпались.

Ринсвинд пнул ближайшее из них. Оно метко уронило на него желудь. Ринсвинд ойкнул.

- Так тебе и надо, - произнесло дерево голосом, напоминающим скрип старой двери.

Наступило долгое молчание.

- Это ты сказало? - наконец спросил Ринсвинд.

- Да.

- И это тоже?

- Да.

- О. - Он еще немного подумал, а потом рискнул: - Ты случайно не знаешь дорогу из леса?

- Нет. Я мало передвигаюсь.

- Да, не очень-то бурная жизнь у тебя, - заметил Ринсвинд.

- Откуда мне знать? Я всегда было простым деревом, - отозвалось дерево.

Ринсвинд пригляделся к нему повнимательнее. Оно ничем не отличалось от прочих деревьев, виданных им ранее.

- Ты волшебное? - спросил он.

- Понятия не имею, - ответило дерево. - Наверное, да.

«Не могу я разговаривать с деревом, - подумал Ринсвинд. - Если я с ним разговариваю, значит, я сошел с ума, а я еще не сошел с ума, следовательно, деревья не разговаривают».

- Ну, пока, - твердо сказал он.

– Эй, не уходи! – крикнуло вслед ему дерево, но быстро осознало тщетность уговоров.

Оно проследило за тем, как волшебник, продираясь сквозь кусты, бредет прочь, и устроилось наслаждаться ощущением солнца на своих листьях, бормотанием и бульканьем воды в корнях, отливами и приливами сока в ответ на естественное притяжение солнца и луны. «Бурная жизнь... – размышляло оно. – Странный он какой-то. Деревья, конечно, можно пробурить, жуки занимаются этим все время, но, скорее всего, он не это имел в виду. И неужели на самом деле можно стать кем-то еще?»

Больше с этим деревом Ринсвинд не встречался, однако из короткого разговора с волшебником оно вывело основу первой древесной религии, которая со временем распространилась по всем лесам Плоского мира. Основным догмат этой веры гласил: дерево, которое было хорошим деревом и вело чистую, честную и гладкоствольную жизнь, может рассчитывать на жизнь после смерти. Прожив поистине зеленую жизнь, в конце концов оно перевоплотится в пять тысяч рулонов туалетной бумаги.

Несколькими милями дальше Двацветок оправлялся от удивления, вызванного тем фактом, что он снова очутился на Диске. Маленький турист сидел на оболочке «Могучего Вояжера», который, громко булькая, медленно, но верно погружался в темные воды большого, окруженного деревьями озера.

Как ни странно, перспектива утонуть ничуть его не беспокоила. Двацветок был туристом, первым из этой разновидности, совсем недавно эволюционировавшей на Диске. Фундаментально важной для существования туриста обыкновенного является твердая как камень вера, что в действительности с ним не может случиться ничего плохого, поскольку он тут ни при чем. Еще Двацветок верил, что любой человек может понять все, что турист скажет. Если, конечно, он, Двацветок, будет говорить громко и отчетливо. Своему ближнему можно и нужно доверять, а значит, люди доброй воли способны уладить все, что угодно, если будут действовать разумно.

С первого взгляда надежд на выживание у него было лишь чуточку меньше, чем, скажем, у обмылка. Однако, к удивлению Ринсвинда, теории Двацветка действовали, и полная невосприимчивость маленького туриста ко всем видам

опасности настолько обескураживала эту самую опасность, что она сдавалась и делала ноги.

Таким образом, перспектива утонуть была ему что слону дробинка. Двацветок искренне верил, что в хорошо организованном обществе не допустят, чтобы человек ни с того ни с сего утонул.

Его, правда, слегка беспокоило, куда подевался Сундук, однако он утешал себя сознанием того, что Сундук сделан из древесины груши разумной, достаточно сообразителен и способен сам позаботиться о себе...

В другой части леса молодой шаман проходил крайне важный этап своей подготовки. Он поел священного мухомора, покурил святого корня, тщательно растер и ввел в различные отверстия своего тела мистический гриб и теперь, сидя под сосной в позе «лотоса», пытался сосредоточиться. Он должен был не только войти в контакт со странными и чудесными секретами, таящимися в Сердце Бытия, но и не дать своей макушке, отвинтившись, уплыть прочь.

Перед его глазами медленно кружились голубые четырехсторонние треугольники. Временами он понимающе улыбался в пространство и восклицал что-нибудь типа «Ух-ты» или «О-о».

Потом в воздухе мелькнуло некое движение и произошло то, что шаман впоследствии описал как «нечто вроде взрыва, только наоборот, понимаете?». На пустом месте возник огромный обшарпанный деревянный сундук.

Он тяжело приземлился на слой опавших листьев, выпустил из себя множество маленьких ножек и тяжеловесно повернулся, чтобы взглянуть на шамана. Лица у сундука, конечно, не было, но даже сквозь вызванную грибами дымку шаман с ужасом осознал, что эта штуковина смотрит именно на него. И взгляд этот был не из приятных. Потрясающе, до чего злобными могут показаться замочная скважина и пара сучков.

Затем, к огромному облегчению начинающего шамана, сундук вроде как пожал плечами и рысью скрылся между деревьев.

Шаман совершил сверхчеловеческое усилие и припомнил правильную последовательность движений, поднимающих человека с земли. Ему даже удалось сделать пару шагов, прежде чем он взглянул вниз и решил бросить это бесполезное занятие, потому что у него закончились ноги.

Ринсвинд тем временем отыскал какую-то дорожку. Она здорово петляла, и он предпочел бы, чтобы она была вымощена, но пока он по ней шел, у него имелось хоть какое-то занятие.

Деревья неоднократно пытались завязать с ним разговор, но Ринсвинд, пребывая в полной уверенности, что для деревьев такое поведение ненормально, не обращал на них никакого внимания.

День клонился к вечеру. Ни единый звук не тревожил воцарившуюся тишину, если не считать жужжания мелких, мерзких, кусачих насекомых, треска падающих время от времени веток и перешептывания деревьев, обсуждающих вопросы религии и неприятности с белками. Ринсвинд вдруг почувствовал себя очень одиноким. Он представил себе, что будет жить в лесу вечно, спать на листьях и питаться... и питаться... питаться тем, чем питаются в лесу. Деревьями, предположил он, орешками и ягодами. Ему придется...

– Ринсвинд!

Навстречу по тропинке шел Двацветок – промокший насквозь, но сияющий от удовольствия. Следом трусил Сундук[2 - Все, что сделано из груши разумной, будет следовать за своим хозяином повсюду, поэтому ее древесину зачастую использовали для изготовления погребальных чемоданов, которые клали в могилы богатых мертвых королей – монархи хотели быть уверенными, что начнут новую жизнь, имея под рукой пару чистого белья.].

Ринсвинд вздохнул. Он-то думал, что хуже и быть не может...

Начался какой-то особенно мокрый и холодный дождь. Ринсвинд с Двацветком сидели под деревом и смотрели на падающие капли.

– Ринсвинд?

– М-м?

– Почему мы здесь?

– Ну, некоторые говорят, что Диск и все остальное сотворил Создатель Вселенной, другие считают, что это весьма запутанная история, имеющая отношение к гениталиям Высочайшего Бога и молоку Небесной Коровы, а кое-кто утверждает, будто все мы обязаны своим существованием случайному раскладу вероятностных частиц. Но если ты имеешь в виду, почему мы сидим здесь, а не падаем с Диска, то об этом я не имею ни малейшего понятия. Должно быть, произошла какая-то ужасная ошибка.

– О-о. А как ты думаешь, в этом лесу есть что-нибудь съедобное?

– Да, – горько отозвался волшебник. – Мы.

– Если хотите, на мне растут желуди, – услужливо предложило дерево.

Несколько минут они сидели в сырости и молчании.

– Ринсвинд, дерево сказало...

– Деревья не разговаривают, – отрезал Ринсвинд. – Очень важно помнить это.

– Но ты ведь сам слышал...

Ринсвинд вздохнул.

– Знаешь что, – сказал он. – Ты, похоже, позабыл элементарную биологию. Чтобы говорить, тебе требуются всякие причиндалы типа легких, губ и... и...

– Голосовых связок, – помогло ему дерево.

– Ага, их самых, – подтвердил Ринсвинд, но опомнился и, резко замолчав, мрачно уставился на дождь.

– Я-то думал, волшебники все-все знают о деревьях и лесе, – с упреком заметил Двацветок.

В его голосе редко слышались нотки, позволяющие предположить, что он считает Ринсвинда кем-то другим, кроме как замечательным чародеем. Поэтому уязвленный волшебник был вынужден что-то да ответить.

– А кто тебе сказал, что я ничего не знаю? – раздраженно бросил он.

– Ну и что это за дерево? – спросил турист.

Ринсвинд посмотрел вверх.

– Береза, – твердо сказал он.

– Вообще-то... – начало дерево, но быстро заткнулось, поймав на себе Ринсвиндов взгляд.

– А те штуки наверху выглядят совсем как желуди, – заявил Двацветок.

– Да, ну, в общем, это бесчерешковая, или семядольная, береза, – объяснил Ринсвинд. – Ее орешки очень похожи на желуди. Могут обмануть кого угодно.

– Вот это да, – восхитился Двацветок, однако тут же спросил: – А вон тот что за куст?

– Омела.

– На нем же шипы и красные ягоды!

– Ну и что? – сурово спросил Ринсвинд и впился в туриста взглядом.

Двацветок сломался первым.

– Ничего, ничего... – покорно пробормотал он. – Должно быть, меня неправильно информировали.

– Вот именно.

– Слушай, под кустом растут какие-то большие грибы. Их есть можно?

Ринсвинд с опаской посмотрел на грибы. Они действительно выглядели очень большими, и шляпки у них были красного цвета, все утыканные белыми пятнышками. По сути, эти грибы относились к той разновидности, которую местный шаман (он как раз пытался завязать дружбу со скалой в нескольких милях от этого места) стал бы есть только после того, как привязал бы себя за ногу к большому камню. У Ринсвинда не было другого выхода, кроме как вылезти под дождь и приглядеться к грибам.

Он опустился на колени в опавшие листья и заглянул под одну из шляпок.

– Нет, для еды они совершенно не годятся, – слабо сказал он через некоторое время.

– Почему? – крикнул Двацветок. – У них что, пластинки не того цвета?

– Ну, не совсем.

– Тогда, наверное, на ножках не такие пленки?

– Вообще-то, с виду с ними все в порядке.

– Значит, шляпка. Эти пятнышки крайне подозрительны, – догадался Двацветок.

– Я в этом не уверен.

– Так почему же их нельзя есть?

Ринсвинд кашлянул.

– Все дело в крошечных дверцах и окнах, – удрученно произнес он. – Первый и главный признак.

Над Незримым Университетом грохотал гром. Дождь лился на университетские крыши и, клопоча, хлестал из глоток горгулий, хотя одна или две твари посообразительнее сумели-таки укрыться среди лабиринтов черепицы.

Далеко внизу, в Главном зале, на углах церемониальной октограммы стояли восемь самых могущественных волшебников Плоского мира. Вообще-то, говоря по правде, они не были самыми могущественными, однако все до единого обладали большими способностями к выживанию, а в мире магии, основанном на жесточайшей конкуренции, это означало практически то же могущество. Каждому волшебнику восьмого уровня дышали в спину полдюжины волшебников седьмого уровня, пытающихся убрать его с дороги, и старшим волшебникам следовало изначально выработать у себя бдительность по отношению к, скажем, скорпионам в своей постели. Итог этим размышлениям может подвести одна старая поговорка, которая гласит: когда волшебнику надоедает искать у себя в тарелке толченое стекло, значит, ему надоела жизнь.

Самый старый из магов, Грейхальд Спольд из ордена Древних и Истинно Подлинных Мудрецов Ненарушенного Круга, оперся всей тяжестью на резной посох и изрек следующие словеса:

– Давай дальше, Ветровоск, меня уже ноги не держат.

Гальдер, который для пущего эффекта сделал паузу в своей речи, бросил на него свирепый взгляд.

– Что ж, хорошо, я буду краток...

– Вот и чудненько.

– Все мы искали указаний по поводу событий сегодняшнего утра. Кто-нибудь может сказать, что он их получил?

Волшебники искоса взглянули друг на друга. Нигде, кроме как на братской вечеринке после конференции профсоюзов, не найдешь столько взаимного недоверия и подозрений, сколько на собрании старших волшебников. Однако простой и непреложный факт заключался в том, что день прошел крайне

неважно. Словоохотливые в обычных обстоятельствах демоны, в спешном порядке вызванные из Подземельных Измерений, напускали на себя застенчивый вид и уклонялись от расспросов. Волшебные зеркала потрескались. С гадальных карт таинственным образом исчез весь рисунок. Хрустальные шары совершенно затуманились. Даже чайные листья, презрительно отвергаемые волшебниками как легкомысленный и ненадежный метод гадания, сбивались в кучку на дне чашки и отказывались сдвинуться с места.

Короче, собравшиеся волшебники пребывали в растерянности. В ответ на вопрос Гальдера они дружно помотали головами и что-то тихо забормотали.

– А посему я предлагаю исполнить Обряд АшкЭнте, – драматическим голосом объявил Гальдер.

Он-то надеялся на ответ типа: «Э нет, только не Обряд АшкЭнте! Порядочный человек не должен связываться с такими штуками!»

На деле же волшебники выразили единогласное одобрение.

– Замечательная идея.

– По-моему, разумно.

– Что ж, приступай.

Слегка выбитый из колеи, Гальдер вызвал в зал процессию младших волшебников, которые внесли разнообразные магические принадлежности.

В тексте уже мелькали кое-какие намеки на то, что примерно в это время в братстве волшебников начались разногласия по поводу того, как правильно заниматься магией.

Молодые волшебники во всеуслышание заявляли, что магии давно пора начать совершенствовать свой образ, а всем волшебникам следует прекратить возню с кусочками воска и костями, поставив дело на хорошо организованную основу с программами исследований и трехдневными съездами в хороших отелях, где будут читаться доклады «Куда идет геомантия?» и «Роль семимильной обуви в

неравнодушном обществе».

Траймон, к примеру, практически не творил чудес, зато четко вел все дела ордена и бесконечно писал служебные записки. В его кабинете на стене висела большая диаграмма, усеянная разноцветными точками, флажками и испещренная линиями, в которых никто ничего не понимал, но которые выглядели весьма внушительно.

Волшебники другой категории считали, что все это болотный газ, и наотрез отказывались работать с образом, если он не был сделан из воска и утыкан булавками.

Старейшины всех восьми орденов придерживались именно такого убеждения, – традиционалисты до последнего волшебника, – поэтому сваленные вокруг октограммы орудия отличались четко выраженным, без дураков, оккультным видом. Среди орудий фигурировали бараньи рога, черепа, вычурные металлические изделия и тяжелые свечи, хотя младшие волшебники давным-давно открыли, что Обряд АшкЭнте элементарно совершается при помощи трех небольших деревянных брусков и четырех кубиков мышиной крови.

В нормальных условиях подготовка занимала несколько часов, но объединенными усилиями старших волшебников она была быстро завершена, и всего через каких-то сорок минут Гальдер проговорил последние слова заклинания. Повисев пару мгновений, руны растворились и исчезли.

Воздух в центре октограммы замерцал, сгустился, и внезапно в нем появилась высокая темная фигура, облаченная в черные одеяния, с лицом, закрытым капюшоном, – что, возможно, было только к лучшему. В одной руке она держала длинную косу, и волшебники не могли не заметить, что вместо пальцев у нее – лишь белая кость.

Другая лишенная плоти рука сжимала несколько пластинок сыра и наколотый на палочку кусок ананаса.

– НУ? – спросил Смерть (кстати, здесь надо бы напомнить, что на Диске Смерть мужского пола) голосом, пронизанным теплотой и многоцветием айсберга.

Поймав на себе изумленные взгляды волшебников, Смерть быстро опустил глаза на палочку.

- Я БЫЛ В ГОСТЯХ, - с легким упреком добавил он.

- О порождение Земли и Тьмы, мы приказываем тебе отречься... - твердым, повелительным тоном начал Гальдер.

Смерть кивнул.

- ДА, ДА, ЗНАЮ Я ВСЕ ЭТО. ВЫЗЫВАЛИ-ТО ЧЕГО?

- Я слышал, ты способен прозревать прошлое и будущее, - несколько обиженно ответил Гальдер, потому что торжественная речь связывания и подчинения очень нравилась ему. Все говорили, что она у него особенно здорово получается.

- АБСОЛЮТНО ВЕРНО.

- Тогда, может, ты разъяснишь нам, что произошло сегодня утром? - спросил Гальдер и, взяв себя в руки, громко заблеял: - Я требую этого именем Азмирота, именем Т'чикела, именем...

- ЛАДНО, ЛАДНО, Я ВСЕ ПОНЯЛ, - поморщился Смерть. - ЧТО КОНКРЕТНО ВЫ ХОТИТЕ УЗНАТЬ? СЕГОДНЯ УТРОМ ПРОИЗОШЛО ДОВОЛЬНО МНОГО СОБЫТИЙ - ЛЮДИ РОЖДАЛИСЬ, ЛЮДИ УМИРАЛИ, ДЕРЕВЬЯ РОСЛИ, КРУГИ РИСОВАЛИ НА ПОВЕРХНОСТИ МОРЯ ДОВОЛЬНО ИНТЕРЕСНЫЕ УЗОРЫ...

- Я имею в виду Октаво, - холодно пояснил Гальдер.

- А, ЕГО... ЭТО БЫЛА ПРОСТО ПЕРЕСТРОЙКА РЕАЛЬНОСТИ. НАСКОЛЬКО Я ПОНЯЛ, ОКТАВО ИСПУГАЛСЯ, ЧТО МОЖЕТ ЛИШИТЬСЯ ВОСЬМОГО ЗАКЛИНАНИЯ. ПОХОЖЕ, ОНО ПАДАЛО С ДИСКА.

- Погоди, погоди, - Гальдер поскреб подбородок. - Мы говорим о Заклинании, которое засело в башке у Ринсвинда? Такого тощего, скорее даже костлявого волшебника? Так ведь это Заклинание...

- ...ОН НОСИТ В СЕБЕ МНОГИЕ ГОДЫ, ДА.

Гальдер нахмурился. Морока это все. Каждый знает, что когда умирает волшебник, заклинания разом высвобождаются из его головы. Зачем устраивать такую суету из-за какого-то Ринсвинда? Заклинание в конце концов приплыло бы обратно.

- Есть какие-нибудь соображения, почему Октаво так беспокоился? - позабыв об осторожности, спросил он, но, вовремя спохватившись, торопливо забубнил: - Именем Эррифа и Кчарлы я отрекаю тебя и...

- СЛУШАЙ, КОНЧАЙ, А? - нахмурился Смерть. - Я ЗНАЮ ТОЛЬКО ТО, ЧТО ВСЕ ЗАКЛИНАНИЯ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПРОИЗНЕСЕНЫ В СЛЕДУЮЩИЙ СВЯЧЕЛЬНИК, ИНАЧЕ ДИСК БУДЕТ УНИЧТОЖЕН.

- Эй, там, громче говорите! - потребовал Грейхальд Спольд.

- Заткнись! - рявкнул Гальдер.

- ЭТО ТЫ МНЕ?

- Нет, ему. Рехнувшийся старый...

- Я все слышу! - провизжал Спольд. - Вы, молодые...

Он замолк. Смерть окинул его задумчивым взглядом, словно пытаясь запомнить лицо старого волшебника.

- Пожалуйста, - умиротворяюще сказал Гальдер, - еще раз повтори тот, последний, кусок. Диск будет что?

- УНИЧТОЖЕН, - ответил Смерть. - НУ, МОГУ Я ИДТИ? ТАМ МОЯ ВЫПИВКА ОСТАЛАСЬ.

- Подожди, - торопливо перебил Гальдер. - Именем Челилики, Оризона и так далее, что ты имеешь в виду под словом «уничтожен»?

– ЭТО ДРЕВНЕЕ ПРОРОЧЕСТВО, ЗАПИСАННОЕ НА ВНУТРЕННИХ СТЕНАХ ВЕЛИКОЙ ПИРАМИДЫ ЦОРТА. А СЛОВО «УНИЧТОЖЕН», ПО-МОЕМУ, ВООБЩЕ НЕ НУЖДАЕТСЯ НИ В КАКИХ ПОЯСНЕНИЯХ.

– Это все, что ты можешь нам сказать?

– ДА.

– Но до свячельника всего два месяца!

– ДА.

– Хотя бы подскажи, где сейчас этот Ринсвинд!

Смерть пожал плечами. Этот жест особенно шел его зловещей фигуре.

– В СКУНДСКОМ ЛЕСУ К КРАЮ ОТ ОВЦЕПИКСКИХ ГОР.

– И что он там делает?

– ЖАЛЕЕТ СЕБЯ.

– О-о.

– НУ ЧТО, МОЖНО МНЕ ИДТИ?

Гальдер рассеянно кивнул. Он с сожалением подумал о ритуале изгнания, который начинался словами «Изыди, мерзкая тень» и содержал несколько довольно впечатляющих пассажей, в произнесении которых волшебник постоянно упражнялся. Впрочем, сейчас у него не было настроения произносить эту долгую речь.

– О да, – отозвался он. – Кстати, спасибо, – а потом, поскольку не стоит зря заводить врагов среди созданий ночи, вежливо добавил: – Надеюсь, вечеринка удалась.

Смерть не ответил. Он смотрел на Спольда, как собака на кость, только в данном случае все было более или менее наоборот.

– Я сказал, надеюсь, вечеринка удалась, – громко повторил Гальдер.

– ПОКА ДА, – ровным голосом проговорил Смерть. – НО, ДУМАЮ, ГДЕ-ТО В ПОЛНОЧЬ С ВЕСЕЛЬЕМ БУДЕТ ПОКОНЧЕНО.

– Почему?

– ОНИ ЖДУТ НЕ ДОЖДУТСЯ, КОГДА Я МАСКУ СНИМУ.

Он исчез, оставив после себя соломинку от коктейля и обрывок серпантина.

За церемонией незаметно наблюдал один человек. Разумеется, это абсолютно против правил, но Траймон знал о правилах все и всегда считал, что они существуют только для того, чтобы их придумывать, а не затем, чтобы им подчиняться.

Восемь магов принялись спорить о том, что имел в виду призрак, а Траймон направился на главный уровень университетской библиотеки.

Это место внушало благоговейный ужас. Многие книги были магическими, а в случае с гримуарами очень важно помнить одно: они смертельно опасны в руках любого библиотекаря, который любит порядок, потому что он непременно поставит их на одну полку. А это не очень-то благоразумно, когда имеешь дело с книгами, склонными к утечке магии, тем более что числом больше двух они образуют критическую Черную Массу. Вдобавок к этому многие второстепенные заклинания очень привередливы насчет того, с кем они водят компанию, и имеют обыкновение выражать протест, раздраженно швыряя книги через комнату. Ну и, конечно, всегда следует помнить о полуосязаемом присутствии обитающих в Подземельных Измерениях Тварей, которые собираются вокруг мест утечки магии и постоянно пробуют стены реальности на прочность.

Работа магического библиотекаря, которому приходится проводить свои трудовые дни в такой накаленной атмосфере, – занятие, сопряженное с особым

риском.

Главный библиотекарь сидел на крышке своего стола и спокойно, очень сознательно чистил апельсин.

Заслышав входящего Траймона, он поднял глаза.

– Мне нужно все, что имеется у нас по пирамиде Цорта, – сказал волшебник. Поскольку он пришел подготовленным, то сразу вытащил из кармана банан.

Библиотекарь скорбно взглянул на угощение и с тяжелым шлепком соскочил на пол. Траймон почувствовал, как ему в руку просунулась мягкая ладонь, и библиотекарь с грустным видом заковылял между книжными полками, увлекая волшебника за собой. Рука его походила на маленькую кожаную перчатку.

Вокруг них искрились и потрескивали книги. Временами случайный разряд ненаправленной магии проскакивал на приколотенные к полкам пруты заземления. В воздухе чувствовался жестяной, голубоватый запах, а на самой границе слышимости раздавался жуткий щебет подземельных существ.

Подобно другим помещениям Незримого Университета, библиотека занимала куда больше места, чем позволяли предположить ее наружные размеры, – магия всегда искажает пространство крайне странным образом. Возможно, эта библиотека, единственная во вселенной, обладала полками Мебиуса. Однако мысленный каталог библиотекаря работал великолепно. Они остановились рядом с высоченной стопкой покрытых плесенью книг, и библиотекарь, подтянувшись, взлетел наверх, в темноту. Послышался шелест бумаги, и на Траймона опустилось облако пыли. Вскоре библиотекарь вернулся; в руках он сжимал тоненькую книжечку.

– У-ук, – сказал он.

Траймон осторожно взял книжицу.

Переплет ее был исцарапанным, с потрепанными краями, а позолота с заголовка давно слезла, но волшебник кое-как разобрал слова, написанные на древнем магическом языке Цортской долины: «И Виликий Храмм заветца Цорт,

Таинственная История».

– У-ук? – с беспокойством осведомился библиотекарь.

Траймон бережно листал книгу. С языками у него было туговато, он считал их крайне неэффективными и, будь его воля, заменил бы какой-нибудь удобопонятной системой чисел, но эта книга, похоже, была именно той, которую он искал. Многозначительные иероглифы покрывали большинство ее страниц.

– Это у тебя единственная книга по пирамиде Цорта? – медленно спросил он.

– У-ук.

– Ты абсолютно уверен?

– У-ук.

Траймон прислушался. Вдалеке он различил звук приближающихся шагов и препирающихся голосов. Но он подготовился к этому.

– Еще банан хочешь? – спросил Траймон, опуская руку в карман.

Скунд действительно был зачарованным, хотя подобные леса на Диске – довольно распространенное явление. Зато он был единственным лесом во вселенной, который назывался – на местном языке – «Твой Палец, Болван», что является дословным переводом слова «Скунд».

Причина такого названия, к сожалению, слишком банальна. Когда первые исследователи из теплых земель у Круглого моря попали в холодные глубинные земли, они заполняли белые пятна на своих картах следующим образом. Хватали ближайшего аборигена, указывали на какой-нибудь ориентир, задавали вопросы, громко, отчетливо выговаривая слова, и записывали все, что болтал обалдевший туземец. Поэтому в поколениях атласов были увековечены такие географические изыски, как «Просто Гора», «Понятия Не Имею», «Чего?» и, естественно, «Твой Палец, Болван».

Вокруг лысой вершины горы Улсканраход («Кто Этот Идиот, Который Не Знает, Что Такое Гора?») собрались облака. Сундук уютно стоял под промокшим насквозь деревом, которое безуспешно пыталось завязать с ним разговор.

Двацветок и Ринсвинд спорили. Предмет спора сидел на шляпке своего гриба и следил за ними заинтересованным взглядом. Предмет был похож на того, кто пахнет как самый типичный житель гриба, и Двацветка это беспокоило.

– А почему у него тогда нет красного колпачка?

Ринсвинд замешкался, отчаянно пытаясь понять, куда клонит турист.

– Что? – сдался он.

– У него должен быть красный колпачок, – авторитетно заявил Двацветок. – Кроме того, ему не мешало бы помыться, да и не компанейский он какой-то. Не лепреккон, и все тут.

– Ты это о чем?

– Да ты на его бороду посмотри, – сурово указал Двацветок. – У сыра и то больше борода.

– Послушай, у него рост шесть дюймов, и живет он внутри гриба, – рявкнул Ринсвинд. – Кто ж он, как не треклятый лепреккон?

– Мы что, должны ему верить, потому что он так говорит?

Ринсвинд опустил взгляд на лепреккона, сказал: «Извини» – и отвел Двацветка на другую сторону полянки.

– Послушай, – прошипел он сквозь зубы, – а если бы он был ростом в пятнадцать футов и утверждал, что он великан, мы бы ему тоже не поверили?

– Он мог бы оказаться очень высоким гоблином, – не уступал Двацветок.

Ринсвинд оглянулся на крохотную фигурку, которая в данный момент прилежно ковыряла в носу.

- Ну и что? - спросил он. - Лепреккон, гоблин, фея - что с того?

- Только не фея, - твердо сказал Двацветок. - Феи носят зеленые комбинезоны и остроконечные колпачки, а на головах у них - крошечные шишечки-антенны. Я на картинке видел.

- Где-где?

Двацветок смутился и уставился на носки башмаков.

- По-моему, это называлось «считалочки-выручалочки».

- Что? Что называлось?

Маленький турист внезапно очень заинтересовался тыльной стороной своих ладоней.

- «Малышова Книга Цветочных Фей», - пробормотал он.

Лицо Ринсвинда выразило недоумение.

- Это что, книга советов, как не связываться с ними? - спросил он.

- О нет, - торопливо ответил Двацветок. - Эта книжка про то, где их искать. Я до сих пор помню картинку. - На его лице появилось мечтательное выражение, и Ринсвинд мысленно застонал. - Там даже была особая фея, которая прилетала и забирала твои зубки.

- Что, вот так прилетала и выдирала все зубы?..

- Да нет, не так. После того как у тебя выпадет зуб, тебе нужно спрятать его под подушку, тогда ночью прилетит фея, заберет твой зуб и оставит взамен один райну.

– Зачем?

– Что зачем?

– Зачем ей зубы?

– Ну, она забирала их, и все.

Ринсвинд мысленно представил себе некое странное существо, живущее в замке, сделанном из гнилых зубов. Это была одна из тех мысленных картинок, которые стараешься побыстрее забыть. Но безуспешно.

– Аг-ха, – сказал Ринсвинд.

Красные колпачки! Он подумал, не стоит ли просветить туриста насчет того, каково жить на свете, когда лягушка представляется тебе хорошим обедом, кроличья нора – подходящим укрытием от дождя, а сова – молчаливым ужасом, парящим в ночи. Штаны из кротового меха оригинальны до тех пор, пока тебе не приходится лично сдирать их с первоначального обладателя, который, паршивец, забился в угол своей норы и угрожающе скалится. Что же касается красных колпачков, то каждый, кто разгуливает по лесу в ярком, бросающемся в глаза наряде, долго не живет.

«Послушай, – хотелось сказать Ринсвинду, – жизнь у лепреконов и гоблинов мерзкая, жестокая и короткая. Каковы хозяева, такова и жизнь».

Ему хотелось сказать все это, но он не мог. Двацветок, хоть ему и не терпелось познать бесконечность, на деле никогда не выходил за пределы собственных представлений. Сказать ему правду – все равно что пнуть спаниеля.

– Сви ви видль вит, – произнес чей-то голос рядом с ногой Ринсвинда.

Волшебник посмотрел вниз. Лепрекон, который представился ему как Свирс, посмотрел вверх. Ринсвинду хорошо давались языки, поэтому он сразу понял, что сказала маленькое существо.

– У меня со вчерашнего дня осталось немного тритонового шербета, – произнес Свирс.

– Звучит замечательно, – отозвался Ринсвинд.

Свирс снова потыкал его в щиколотку.

– Тот второй большак, с ним все в порядке? – участливо спросил он.

– Это всего-навсего шок от соприкосновения с действительностью, – ответил волшебник. – У тебя случаев не найдется красного колпачка?

– Вит?

– Да я так, просто подумал.

– Я знаю, где есть еда для большаков, – сказал лепреккон. – И убежище тоже. Это недалеко.

Ринсвинд взглянул на хмурающееся небо. Дневной свет постепенно оставлял пейзаж, а у облаков был такой вид, словно они недавно узнали, что такое снег, и сейчас обдумывают, а не попробовать ли. Разумеется, тем, кто живет в грибах, не всегда можно доверять, но как раз сейчас ловушка с приманкой в виде горячей еды и чистых простыней вызвала бы у волшебника желание наплевать на все и прыгнуть прямо в капкан.

Они отправились в путь. Несколько секунд спустя Сундук осторожно поднялся и двинулся следом.

– Эй!

Он аккуратно, в сложной последовательности перебирая маленькими ножками, развернулся и, казалось, посмотрел вверх.

– А как оно, быть сделанным столяром? – с беспокойством спросило дерево. – Наверное, больно было?

Сундук вроде как задумался над этим. Каждая медная петля, каждый сучок излучали крайнюю сосредоточенность.

Потом он пожал крышкой и побрел прочь.

Дерево вздохнуло и стряхнуло с ветвей несколько увядших листьев.

Домик был маленьким, полуразвалившимся и нарядным, как игрушка. Должно быть, решил Ринсвинд, здесь поработал какой-то безумный резчик по дереву, и сотворил он нечто поистине ужасающее, прежде чем его успели оттащить. На каждой двери и ставне красовались грозди деревянного винограда и окошечки в виде полумесяца, а стены штурмовали батальоны резных сосновых шишек. Волшебник был готов к тому, что из верхнего окна вот-вот выскочит гигантская кукушка.

Что он еще заметил, так это характерно маслянистый воздух. Из-под ногтей волшебника посыпались крошечные зеленые и пурпурные искры.

– Сильное магическое поле, – пробормотал он. – По меньшей мере в сотню миличар[3 - Чар – основная единица магической силы. За нее повсеместно принимается количество магии, необходимое для создания одного маленького белого голубя или трех бильярдных шаров нормального размера.].

– Магия здесь повсюду, – сообщил Свирс. – Раньше тут жила одна старая ведьма. Она покинула это место много лет назад, но магия еще поддерживает домик в нормальном состоянии.

– Слушай, дверь какая-то странная... – объявил Двацветок.

– Зачем домику магия? – недоуменно пожал плечами Ринсвинд.

Двацветок осторожно прикоснулся к стене.

– Да она вся липкая!

– Нуга, – объяснил Свирс.

– О боги! Настоящий пряничный домик! Ринсвинд, настоящий...

Ринсвинд угрюмо кивнул.

– Ага, Кондитерская школа архитектуры, – подтвердил он. – Она так и не привилась.

Он с подозрением посмотрел на дверной молоток из лакрицы.

– Он вроде как регенерирует, – пояснил Свирс. – На самом деле замечательное творение. В наши дни такой дом ни за что не построишь – негде взять пряники.

– Правда? – мрачно поинтересовался Ринсвинд.

– Заходите, – пригласил лепреккон. – Только поосторожнее с дверным ковриком.

– Почему?

– Сахарная вата.

Огромный Диск медленно поворачивался под усердно вращающимся солнцем. Дневной свет лужами собирался во впадинах и с наступлением ночи исчезал совсем.

Склонившись над книгой, Траймон сидел в своей промозглой комнатухе в Незримом Университете. Его губы шевелились, а глаза упорно следовали за пальцем, которым он водил по незнакомому древнему шрифту. Он прочел, что Великая Пирамида Цорта, ныне исчезнувшая с лица Диска, состояла из одного миллиона трех тысяч десяти блоков известняка и во время ее сооружения десять тысяч рабов сошли в могилу. Он узнал, что она представляла собой лабиринт тайных ходов, стены которых, по слухам, были украшены квинтэссенцией мудрости древнего Цорта. Ему стало известно, что ее высота, сложенная с длиной и разделенная на половину ширины, ровно в 1,67563 или, точнее, 1 237,98712567 раза больше разницы между расстоянием до солнца и весом маленького апельсина. Он выяснил, что на возведение пирамиды ушло полных

шестьдесят лет.

«Честно говоря, бритвенное лезвие проще заточить вручную, чем возиться с такой громадой», – решил он про себя.

А в Скундском лесу Двацветок и Ринсвинд устраивались закусить пряничным камином и с тоской думали о маринованном луке.

И очень далеко оттуда, но двигаясь курсом на сближение, величайший герой, который когда-либо появлялся на Диске, сворачивал себе сигарету, совершенно не подозревая об уготованной ему роли.

Козья ножка, которую он скручивал искусными пальцами, была довольно необычной, потому что, подобно многим странствующим волшебникам, от которых он перенял это искусство, герой имел привычку складывать окурки в кожаный кисет и употреблять их для изготовления новых самокруток. Таким образом, согласно велению неумолимого закона средних чисел, какую-то часть этого табака он курил в течение многих лет. Та штука, которую он безуспешно пытался прикурить, была... в общем, ею можно было мостить дороги.

Ее изготовитель пользовался настолько славной репутацией, что даже отряд конных кочевников-варваров уважительно пригласил его к своему костру из конского навоза. Кочевники Пупземелья на зиму обычно переселялись поближе к Краю. Это племя непредусмотрительно установило свои фетровые шатры в удушающей жаре минус трех градусов, и теперь большинство кочевников расхаживали с облупленными носами и жаловались на тепловой удар.

– Каковы же величайшие ценности, которые даются нам в жизни? – изрек вождь варваров.

Это одна из тех вещей, которые полагается говорить в варварских кругах, чтобы поддержать свою репутацию.

Человек, который сидел справа от вождя, задумчиво допил коктейль из кобыльего молока и крови снежной кошки и высказался следующим образом:

– Чистый степной горизонт, ветер в твоих волосах, свежая лошадь под тобой.

Человек слева от вождя ответил:

– Крик белого орла в небесных высях, снегопад в лесу, верная стрела на твоей тетиве.

Вождь кивнул и произнес:

– Это, конечно же, вид убитого врага, унижение его племени, стоны и плач его женщин.

При столь вызывающем утверждении из-под всех бород слышалось одобрительное бормотание.

Потом вождь уважительно повернулся к гостю, небольшой фигурке, заботливо отогревающей у огня отмороженные конечности, и обратился к нему со словами:

– Однако наш гость, чье имя – легенда, должен поведать нам истину: каковы же величайшие ценности в человеческой жизни?

Гость прервал очередную неудачную попытку прикурить.

– Што ты шкажал? – беззубо прошамкал он.

– Я сказал: каковы же величайшие ценности в человеческой жизни?

Воины нагнулись поближе. Ответ героя стоило услышать.

Гость долго и упорно думал, а потом с нарочитой неспешностью изрек:

– Горячая вода, хорошие штوماتологи и мягкая туалетная бумага.

В горне полыхало яркое октаринное пламя. Гальдер Ветровоск – обнаженный по пояс, с лицом, скрытым под маской из закопченного стекла, – вгляделся прищуренными глазами в сияние и с хирургической точностью опустил молоток. Зажатая в щипцах магия визжала и извивалась, но волшебник хладнокровно

продолжал наносить удары, вытягивая ее в полосу бьющегося в агонии огня.

Где-то скрипнула половица. Гальдер провел за настройкой пола немало часов – мудрая предосторожность, если имеешь честолюбивого помощника, который ходит неслышно, как кошка. Ре-бемоль. Это означает, что он справа от двери.

– А, Траймон, – не оборачиваясь, сказал Гальдер и с некоторым удовлетворением отметил у себя за спиной едва слышный вздох. – Хорошо, что пришел. Дверь закрой, пожалуйста.

Траймон с ничего не выражающим лицом захлопнул тяжелую дверь. На полке у него над головой плавали в банках с формалином разные заспиртованные нелепицы и наблюдали за ним заинтересованными взглядами.

Подобно всем мастерским волшебников, это помещение выглядело так, словно какой-то таксидермист бросил свое имущество в литейной мастерской, после чего подрался с обезумевшим стеклодувом, по ходу дела раскроив череп прохожему крокодилу (который висел под потолком и сильно вонял камфарой). Здесь были лампы и кольца, которые Траймону прямо-таки не терпелось потереть, Зеркала висели с таким видом, словно могли ответить взглядом на взгляд. В клетке беспокойно шевелилась пара семимильных сапог. Целая библиотека гримуаров, разумеется не таких могущественных, как Октаво, но тем не менее до отказа набитых заклинаниями, потрескивала и звенела цепями, чувствуя на себе алчные взгляды волшебника. Неприкрытое могущество этих книг возбуждало Траймона, как ничто другое, но он осуждал Гальдеровы неряшливость и пристрастие к театральности.

Например, ему было небезызвестно – он подкупил одного из слуг, – что зеленая жидкость, таинственно булькающая в лабиринте изогнутых трубок, размещенных на одном из столов, это всего-навсего зеленая краска с добавлением мыла.

«В один прекрасный день, – думал он, – я вышвырну этот хлам вон. Начиная с треклятого аллигатора». Костяшки его пальцев побелели...

– Ну что ж, – приветливо сказал Гальдер, вешая передник на стену и устраиваясь в кресле с ручками в виде львиных лап и утиными ножками. – Ты послал мне эту мему, которая рядом...

Траймон пожал плечами.

– Меморандум. Я просто указал, господин, что главы остальных орденов выслали в Скундский лес своих агентов, дабы захватить Заклинание, тогда как ты ничего не предпринимаяешь. Надеюсь, в свое время ты откроешь нам причину такого поведения.

– Твоя наивность заставляет меня устыдиться, – отозвался Гальдер.

– Тот из волшебников, кто вернет Заклинание, принесет великую честь себе и своему ордену, – продолжал Траймон. – Остальные пустили в ход сапоги и всевозможные заклятия. Что намереваешься использовать ты, о учитель?

– Кажется, я различил в твоём голосе саркастические нотки?

– Ни в коем разе, учитель.

– Даже тени сарказма не было?

– Ни малейшей, учитель.

– Прекрасно. Потому что я не собираюсь никуда идти.

Гальдер нагнулся, поднял с пола какую-то древнюю книгу, и она, повинувшись вполголоса отданной команде, со скрипом раскрылась. Подозрительно похожая на язык закладка быстро втянулась в переплет.

Гальдер нашарил рядом с подушкой кожаный кисет с табаком и трубку размером с печь для сжигания отходов, с мастерством заядлого курильщика растер в ладонях шарик табака и набил им чашечку. Полыхнуло пламя, вызванное щелчком пальцев. Волшебник глубоко затянулся, удовлетворенно вздохнул и...

...Поднял глаза.

– Ты ещё здесь, Траймон?

– Ты меня вызывал, учитель, – ровным тоном откликнулся Траймон.

По крайней мере, его голос звучал ровно. Но глубоко в серых глазах помощника сверкала слабая искорка, которая говорила, что он ведет учет всех оскорблений, всех покровительственных огоньков в глазах, всех мягких упреков, всех понимающих взглядов и каждый из них обернется мозгу Гальдера лишним годом погружения в кислоту.

– О да, действительно вызывал. Будь снисходителен к стариковским слабостям, – любезно отозвался Гальдер. Он поднял книгу, которую только что читал. – Я не одобряю суеты. Возня с магическими коврами и прочими штучками очень эффектна, но, по мне, это не настоящая магия. Возьмем, к примеру, семимильные сапоги. Если бы люди были созданы для того, чтобы преодолевать за один шаг две с лишним лиги, Создатель дал бы нам более длинные ноги... О чем это я?

– Не знаю, – холодно промолвил Траймон.

– Ах да. Странно, но в библиотеке по пирамиде Цорта ничего нет. Было бы резонно предположить, что там что-нибудь да есть, как ты думаешь?

– Библиотекарь, разумеется, будет наказан.

Гальдер бросил на него косой взгляд.

– Только ничего радикального. Некоторое время посидит без бананов, и хватит с него.

Пару секунд они молча смотрели друг на друга.

Гальдер первым отвел глаза – ему становилось не по себе, когда он смотрел на Траймона в упор. Все равно что вглядываться в зеркало и видеть, что там никого нет.

– Однако, – сказал он, – как ни странно, я нашел помощь в другом месте. На моих собственных скромных книжных полках. В дневнике Скрельта Переменикорзина, основателя нашего ордена. О мой горячий юный друг, жаждущий ринуться в

путь, знаешь ли ты, что происходит, когда умирает волшебник?

– Все заклинания, которые он выучил за свою жизнь, начинают произноситься, – ответил Траймон. – Это говорят нам на одном из самых первых уроков.

– На самом деле в случае с изначальными Восемью Великими Заклинаниями это не так. Внимательно изучив данный вопрос, Скрельт выяснил, что Великое Заклинание просто укроется в ближайшем сознании, которое будет открыто и готово его принять. Подтолкни-ка сюда вот то большое зеркало, будь так добр.

Гальдер поднялся на ноги и, шаркая, подошел к остывшей наковальне. Полоска магии еще извивалась, одновременно присутствуя и не присутствуя в этом мире. Она напоминала прорезь, открывающуюся в другую, переполненную горячим голубым светом вселенную. Он спокойно взял ее в руки, достал с полки лук и произнес волшебное слово. Магия охотно вцепилась в концы лука, натянув его так, что дерево затрещало. Гальдер выбрал стрелу.

Траймон тем временем вытащил тяжелое стоячее зеркало на середину комнаты. «Когда я стану главой ордена, – пообещал он себе, – никогда не буду шлепать по комнате в домашних тапочках».

Траймон, как уже упоминалось ранее, считал, что молодая кровь способна на многое, надо только убрать с ее дороги трухлявые пни. Однако ему было интересно увидеть, что собирается предпринять старый болван-учитель.

Возможно, он испытал бы некоторое удовлетворение, если бы знал, что и Гальдер, и Скрельт Переменикорзин ошибаются.

Гальдер сделал перед зеркалом несколько пассов, отчего оно сначала затуманилось, а потом, прояснившись, показало вид Скундского леса с высоты птичьего полета. Натянув тетиву, волшебник внимательно взгляделся в изображение. Пробормотав пару фраз типа: «Учтем скорость ветра, скажем, три узла» и «Сделаем поправку на температуру», он довольно обычным движением выпустил стрелу.

Если бы законы действия и противодействия имели к происходящему хоть какое-то отношение, стрела шлепнулась бы на пол в нескольких футах от волшебника. Но законам здесь никто не следовал.

Стрела издала звук, который не поддается описанию, но который для полноты изложения можно упрощенно представить как «чпок» плюс три дня напряженной работы в прилично оборудованной радиотелефонной мастерской, и исчезла.

Отбросив лук, Гальдер ухмыльнулся.

– На дорогу ей понадобится около часа, – заявил он. – Потом Заклинание прилетит по ионизированному следу сюда. Ко мне.

– Замечательно, – объявил Траймон, но любой прохожий телепат прочитал бы у него в мозгу сделанную из десятиярдовых букв мысль: «А почему не ко мне?»

Молодой волшебник как раз смотрел на заваленный всяким хламом верстак. Длинный и острый нож показался ему словно специально изготовленным для исполнения замысла, который внезапно пришел в его голову.

Насилие было одним из тех дел, в которых Траймон предпочитал участвовать не иначе как через посредника. Но пирамида Цорта совершенно недвусмысленно высказалась насчет наград тому, кто сведет Восемь Заклинаний воедино в нужное время. Нет, Траймон не допустит, чтобы годы кропотливого труда пропали даром. Какому-то старому дураку пришла в голову блестящая мысль – ну и что?

– Не хочешь какао? Все равно ждем, – спросил Гальдер, ковыляя через комнату к колокольчику для вызова слуг.

– Очень хочу, – процедил Траймон, поднимая нож и взвешивая в руке, чтобы прикинуть точность полета. – Я должен поздравить тебя, учитель. Вижу, всем нам нужно подниматься рано-рано утром, чтобы когда-нибудь взять над тобой верх.

Гальдер расхохотался. Нож покинул руку Траймона с такой скоростью, что (благодаря несколько медлительной природе света Плоского мира) стал чуть-чуть короче и немного массивнее за то время, пока летел, нацеленный точно в Гальдерову шею.

До нее он не долетел. Вместо этого нож свернул в сторону и начал быстро вращаться по кругу – так быстро, что у Гальдера словно металлический воротник появился. Волшебник повернулся. Внезапно Траймону показалось, что его учитель подрос сразу на несколько футов.

Нож сорвался со своей орбиты и, задрожав, впился в дверь, пройдя рядом с ухом Траймона на расстоянии какой-нибудь тени.

– Рано-рано утром? – любезно переспросил Гальдер. – Мой дорогой юноша, если ты хочешь взять надо мной верх, тебе вообще придется забыть про сон.

– Скушай еще немного стола, – предложил Ринсвинд.

– Нет, спасибо, я не люблю марципан, – ответил Двацветок. – И вообще, это неправильно – есть чужую мебель.

– Не беспокойся, – сказал Свирс. – Старую ведьму не видели здесь уже много лет. Говорят, ее окончательно доконала парочка каких-то юных сорванцов.

– Современная молодежь, – прокомментировал Ринсвинд.

– А я считаю, что виноваты родители, – отозвался Двацветок.

После того как вы вносили в свое сознание необходимые мысленные коррективы, пряничный домик начинал казаться довольно приятным местом. Остаточная магия не давала ему развалиться, а местные дикие звери, которые еще не скончались от неизлечимого кариеса, обходили его стороной. В камине ярким и неряшливым огнем горели лакричные поленья. Ринсвинд попытался набрать дров в лесу, но быстро отказался от этой затеи. Тяжело жечь дрова, которые с тобой разговаривают.

Он рыгнул.

– Это очень вредно для здоровья. Я хочу сказать: почему обязательно сладости? Почему не хрустящие хлебцы и сыр? Или вот салями – я бы не отказался от хорошего дивана из салями.

- Понятия не имею, - отозвался Свирс. - Старая бабка Недоумка занималась сладостями, и все тут. Видел бы ты ее меренги...

- Видел, - ответил Ринсвинд. - Я же пробовал матрасы...

- Пряники - более традиционный материал, - вставил Двацветок.

- Для матрасов?

- Не глупи, - рассудительно заметил Двацветок. - Ты когда-нибудь слышал о пряничном матрасе?

Ринсвинд застонал. Он думал о еде - точнее, о еде в Анк-Морпорке. Странно, но эта старая дыра, по мере того как он от нее удалялся, виделась ему все более и более привлекательной. Ему достаточно было закрыть глаза, чтобы представить себе - во всех аппетитных подробностях - рыночные прилавки с национальными блюдами сотен различных культур. Там можно было отведать сквиши или суп из плавников акул, настолько свежий, что ныряльщики за жемчугом и близко к нему не подойдут, а...

- Как по-твоему, я мог бы купить этот дом? - спросил Двацветок.

Ринсвинд помедлил. Прежде чем ответить на неожиданный вопрос туриста, нужно было как следует подумать, и это обязательно окупалось.

- Зачем? - осторожно сказал он.

- Ну, в нем прямо-таки пахнет архаикой.

- А-а.

- А что такое архаика? - спросил лепреккон, с опаской пригнувшись и всем своим видом показывая, что он, Свирс, тут ни при чем.

- По-моему, это какой-то горный козел, - ответил Ринсвинд. - В любом случае ты не можешь купить этот дом, потому что тебе не у кого его купить...

– Мне кажется, я мог бы это устроить, от имени совета леса, разумеется, – перебил Свирс, стараясь не встречаться с волшебником взглядом.

– ...Да и как ты потащишь его с собой? В Сундук ты его не запихнешь!

Ринсвинд кивнул на Сундук, который лежал у огня и совершенно непостижимым образом ухитрялся быть похожим на удовлетворенного, но готового к прыжку тигра. Волшебник быстро перевел взгляд обратно на туриста. Лицо его вытянулось.

– Ведь не запихнешь? – с сомнением уточнил он.

Он так и не смог освоиться с фактом, что внутреннее пространство Сундука в отличие от внешней оболочки находится совсем в ином мире. Это был всего лишь побочный продукт сундуковой необычности, но Ринсвинду бывало не по себе, когда он видел, как Двацветок до отказа набивает Сундук грязными рубашками и старыми носками, а потом открывает крышку, и под ней оказывается стопка восхитительно свежего белья, от которого слабо пахнет лавандой. А еще Двацветок покупал уйму самобытных местных поделок – или, как выражался Ринсвинд, хлама, – и даже семифутовый церемониальный шест для щекотки свиней помещался в Сундуке совершенно свободно, нигде не выпирая.

– Не знаю, – сказал Двацветок. – Ты волшебник, тебе лучше знать.

– Ну, в общем, багажная магия – это высокоспециализированное искусство, – пояснил Ринсвинд. – Да и лепреконы вряд ли согласятся продать домик, ведь это... это... – он порылся в словах, которым его научил сумасшедший турист, – это достопримечательность.

– А что это значит? – заинтересованно спросил Свирс.

– Это значит, что такие, как он, будут толпами валить сюда, чтобы посмотреть на этот домик, – ответил Ринсвинд.

– Почему?

– Потому что... – Ринсвинд снова задумался в поисках подходящих слов. – Он оригинальный. Гм, старосветский. Фольклористичный. Э-э, восхитительный пример исчезнувшей разновидности народного творчества, впитавшей в себя традиции давно прошедших времен.

– Да ну? – удивился Свирс, обалдело оглядывая домик.

– Ага.

– Все это?

– Боюсь, что да.

– Я помогу вам собрать вещи.

Ночь медленно тянется под покровом нависающих облаков, которые закрывают большую часть Диска... Однако оно и к лучшему, что небо все закрыто, ибо когда покров рассеется и астрологи как следует рассмотрят небесную высь, они будут очень, очень рассержены.

А в различных частях леса отряды волшебников плутают, ходят кругами, прячутся друг от друга и нервничают, потому что каждый раз, когда они натываются на дерево, оно перед ними извиняется. Но каким бы неуверенным ни было их продвижение, кое-кто из них подошел к пряничному домику совсем близко...

Впрочем, сейчас самое время вернуться к расползшимся во все стороны постройкам Незримого Университета и, в частности, к покоям Грейхальда Спольда, на данный момент старейшего волшебника на Диске. Причем Грейхальд преисполнен решимости оставаться таковым еще очень долго...

Однако только что ему довелось испытать крайнее удивление и огорчение.

В течение последних нескольких часов он был очень занят. Да, он был глух и не слишком сообразителен, но престарелые волшебники обладают хорошо развитыми инстинктами выживания и знают, что когда высокая фигура в черном плаще и с последней новинкой из области сельскохозяйственных инструментов

начинает бросать на вас задумчивые взгляды, тут нужно действовать быстро. Слуги были отпущены. Двери запечатаны пастой, изготовленной из растертых в порошок мошек, а на окнах вычерчены защитные октограммы. На пол редкими и пахучими маслами нанесены сложные узоры, очертания которых режут глаз и позволяют предположить, что художник был пьян или прибыл из какого-то другого измерения, а возможно, и то и другое сразу. В самом центре комнаты красуется восьмикратная октограмма Удержания, окруженная красными и зелеными свечками. А посреди нее стоит ящик, сделанный из древесины сосны кучерявой, которая доживает до глубокой старости. Ящик этот выстлан алым шелком и снабжен дополнительными защитными амулетами. Грейхальд Спольд знает, что Смерть его ищет, и поэтому потратил много лет на создание неприступного убежища.

Он как раз установил замысловатый часовой механизм замка на нужное время и, закрыв крышку, откинулся на подушку в приятном сознании того, что здесь ему обеспечена абсолютно надежная защита от самого неумолимого из всех врагов. Но он совсем забыл, насколько важную роль могут играть в предприятиях подобного рода вентиляционные отверстия...

И рядом с ним, у самого его уха, чей-то голос только что произнес:

- ТЕМНОВАТО ЗДЕСЬ, А?

Пошел снег. Леденцовые окна пряничного домика ярко и весело сияли, разгоняя ночную тьму.

С одной стороны полянки зарделись три крошечные точки алого света, и послышался сдавленный грудной кашель.

- Заткнитесь! - зашипел волшебник третьего уровня. - Нас услышат!

- Кто услышит? От парней из Братства Очковтирателей мы ускользнули на болотах, а эти придурки из Почтенного Совета Провидцев все равно пошли не в ту сторону.

– Ага, – сказал самый младший волшебник, – но кто с нами постоянно разговаривает? Я слышал, что это магический лес, здесь полно гоблинов, волков и...

– Деревьев, – закончил чей-то голос из темноты высоко наверху. В нем присутствовало нечто такое, что позволяло описать его только как «древесный».

– Ага, – подтвердил младший волшебник. Он затянулся окурком и вздрогнул.

Предводитель отряда высунулся из-за камня и осмотрел домик.

– Ну ладно, – он выколотил трубку о подметку одного из своих семимильных сапог, который в ответ протестующе заскрипел. – Врываемся, хватаем и исчезаем. Все ясно?

– А ты уверен, что там люди? – нервно спросил младший волшебник.

– Естественно, уверен, – огрызнулся предводитель. – А ты кого думаешь найти? Трех медведей?

– Там могут оказаться чудовища. Это как раз такой лес, в котором водятся чудовища.

– И деревья, – добавил из ветвей дружелюбный голос.

– Ага, – осторожно согласился предводитель.

Ринсвинд с опаской посмотрел на кровать. Довольно милая маленькая кроватка из твердой тянучки, инкрустированной карамелью. Он предпочел бы ее съесть, а не спать на ней, кроме того, у кровати был такой вид, словно кто-то ею уже пообедал.

– Кто-то ел мою кровать, – сказал он.

– Я люблю тянучку, – обороняющимся тоном заявил Двацветок.

– Смотри, не то прилетит фея, и ты лишишься всех зубов, – предупредил Ринсвинд.

– Не фея, а эльф, – вмешался Свирс с туалетного столика. – Этим занимаются эльфы. И ногти с ног – тоже они. Эльфы иногда такие вспыльчивые.

Двацветок тяжело опустился на кровать.

– Ты все перепутал, – возразил он. – Эльфы благородны, прекрасны, мудры и справедливы. Я где-то об этом читал.

Свирс и коленная чашечка Ринсвинда обменялись понимающими взглядами.

– Мне кажется, ты имеешь в виду не тех эльфов, – медленно сказал лепреккон. – У нас здесь водится другая разновидность. Не то чтобы их в лицо можно было назвать вспыльчивыми... – быстро добавил он. – Лучше этого не делать, если не хочешь принести свои зубы домой в шляпе.

Где-то неподалеку раздался еле слышный характерный скрип открывающейся конфетной двери. В то же самое время с другой стороны домика донесся легчайший звон, словно от камня, который очень деликатно разбил леденцовое окошко.

– Что это было? – спросил Двацветок.

– Что из двух? – уточнил Ринсвинд.

Вслед за этим послышался звук удара тяжелой ветки о подоконник. Свирс с воплем «Эльфы!» пронесся через всю комнату и нырнул в мышиную норку.

– Что будем делать? – осведомился Двацветок.

– Паниковать? – с надеждой предложил Ринсвинд.

Он всегда утверждал, что паника – лучшее средство выживания. В древние времена, как гласила его теория, людей, столкнувшихся лицом к лицу с проголодавшимся саблезубым тигром, можно было легко разделить на тех, кто

паниковал, и тех, кто стоял на месте, восклицая: «Какое великолепное животное!» и «Поди сюда, киска».

– Там есть кухонный шкаф, – заметил Двацветок, указывая на узкую дверь, втиснувшуюся между стеной и передней доской камина.

Они торопливо забрались в сладкую, отдающую плесенью темноту. Снаружи раздался скрип шоколадной половицы.

– Я слышал голоса, – сказал кто-то.

– Да, внизу, – добавил другой голос. – Думаю, это очковтиратели.

– Ты же говорил, что мы ускользнули от них на болоте!

– Эй, вы двое, этот дом можно есть! Вот, смотрите, здесь...

– Заткнись!

Скрип повторился в умноженном варианте, и ему ответил приглушенный вскрик с нижнего этажа, где один из почтенных провидцев, проникнув внутрь через разбитое окно и осторожно пробираясь в темноте, наступил на пальцы очковтирателя, который прятался под столом. В воздухе внезапно засвистела и затрещала магия.

– Вот зараза! – выругался снаружи чей-то голос. – Они его поймали! Пошли!

Снова послышался скрип, а потом наступила тишина. Через какое-то время Двацветок сказал:

– Ринсвинд, кажется, в этом шкафу стоит помело.

– Ну и что в этом необычного?

– У этого помела есть руль.

Снизу донесся пронзительный вопль. В темноте кто-то из волшебников попытался открыть Сундук. Грохот, раздавшийся из буфетной, возвестил о внезапном прибытии отряда подлинных мудрецов ненарушенного круга.

- Как ты думаешь, что им нужно? - прошептал Двацветок.

- Не знаю, но, по-моему, благоразумнее будет не выяснять это, - задумчиво ответил Ринсвинд.

- Может, ты и прав.

Ринсвинд осторожно приоткрыл дверцу. Комната была пуста. Он на цыпочках подошел к окну и, взглянув вниз, увидел обращенные к нему лица трех братьев Ордена Полуночи.

- Это он!

Ринсвинд торопливо отпрянул и бросился к лестнице.

Разыгрывающуюся внизу сцену невозможно было описать, но, поскольку во времена правления Олафа Квимбли II такое утверждение заслуживало смертной казни, лучше все же попробовать это сделать. Прежде всего, большая часть занятых схваткой волшебников тщила освещать происходящее разнообразными огнями, шаровыми молниями и магическим сиянием, так что освещение наводило на мысль о дискотеке на фабрике стробоскопов. Каждый старался найти обзор получше и при этом избежать нападения. И абсолютно все пытались держаться подальше от Сундука, который загнал в угол двух почтенных провидцев и щелкал крышкой на каждого, кто к нему приближался. Но один волшебник все же случайно посмотрел вверх.

- Вон он!

Ринсвинд шарахнулся назад, и на него что-то наткнулось. Он торопливо оглянулся и вытаращил глаза, увидев Двацветка, сидящего верхом на помеле, которое парило в воздухе.

– Ведьма, должно быть, забыла взять его с собой! – сообщил турист. – Настоящее летучее помело!

Ринсвинд заколебался. От прутьев помела сыпались октаринные искры. Кроме того, Ринсвинд ненавидел высоту почти больше всего свете. Но дюжина очень злых и раздраженных волшебников, несущихся по лестнице в его сторону, заставила его изменить своим привязанностям.

– Ладно, – сказал он, – но за руль сяду я.

Он лягнул сапогом какого-то волшебника, который уже дошел до середины Заклятия Связывания По Рукам и Ногам, и вскочил на помело. Оно, подпрыгивая, слетело вниз по лестнице и перевернулось, так что Ринсвинд, к своему ужасу, оказался лицом к лицу с одним из Братьев Полуночи.

Он завопил и конвульсивно дернул руль.

Несколько вещей случилось одновременно. Помело рванулось вперед, проломило стену и скрылось в облаке крошек; Сундук двинулся на полуночного брата и цапнул его за ногу; и неизвестно откуда со странным посвистывающим звуком появилась стрела, которая пролетела всего в нескольких дюймах от Ринсвинда и вонзилась в крышку Сундука.

Сундук исчез.

В маленькой деревушке, скрытой в глубине леса, дряхлый шаман подбросил в костер несколько прутьев и уставился сквозь дым на смущенного ученика.

– Ящик с ножками? – переспросил он.

– Да, учитель. Он упал с неба и посмотрел на меня, – ответил ученик.

– Значит, у него были глаза, у этого ящика?

– Нет, но... – начал ученик и в недоумении запнулся.

Старик нахмурился.

– Многие видели Топакси, Бога Красного Гриба, и они заслужили имя шамана, – сказал он. – Некоторые видели Скельде, духа дыма, и их называют чародеями. Очень немногие были удостоены лицезрения Умчеррель, души леса, и они известны как повелители духов. Но мало кто видел ящик с сотнями ножек, который смотрел бы на них без глаз, и такие люди обычно зовутся идио...

Его речь была прервана внезапным пронзительным жужжанием и порывом снега, который разметал костер по темной хижине. В воздухе промелькнуло смазанное пятно, противоположная стена улетела в ночь, и видение исчезло.

Наступило долгое молчание. За которым последовало молчание покороче. И наконец старый шаман осторожно поинтересовался:

– Ты случайно не видел, как два человека только что пронеслись сквозь хижину, сидя вверх ногами на помеле, вопя и крича друг на друга?

Ученик посмотрел на него ровным взглядом.

– Разумеется, нет, – ответил он.

Старик облегченно вздохнул.

– Слава богам, – сказал он. – Я тоже.

В пряничном домике царила суматоха, потому что волшебники рвались не столько отправиться в погоню за помелом, сколько помешать другим сделать то же самое. Это привело к нескольким достойным сожаления инцидентам. Наиболее эффектный и, без сомнения, самый трагический имел место быть, когда один из провидцев попытался пустить в ход семимильные сапоги, не предварив эту операцию соответствующей последовательностью заклинаний и подготовительных обрядов.

Как уже давалось понять, семимильные сапоги – это крайне ненадежная форма магии, а провидец слишком поздно вспомнил о той осторожности, которую

следует проявлять в обращении с транспортным средством – в особенности если это средство иногда пытается унести одну ногу за две с лишним лиги от другой.

Бушевали первые снежные бури, и большую часть Диска закрывала подозрительно плотная пелена облаков. Однако со значительной высоты и при серебристом свете крошечной луны Плоского мира Диск представлял собой одно из самых красивых зрелищ во всей множественной вселенной.

Гигантские облачные ленты в несколько сотен миль длиной тянулись от Краепада к горам в районе Пупа. В холодной хрустальной тишине огромные белые спирали морозно поблескивали под звездами, неощутимо поворачиваясь, совсем как если бы Создатель помешал свой кофе и добавил туда сливок.

Ничто не тревожило сияющую сцену, которая...

Какой-то небольшой предмет вынырнул из облачного слоя, волоча за собой клочья тумана. В стратосферном спокойствии звуки перебранки были слышны ясно и отчетливо.

– Ты же сказал, что умеешь летать на такой штуке!

– Ничего я не говорил. Я просто сказал, что ты этого точно не умеешь!

– Но я ни разу в жизни даже не сидел на помеле!

– Какое совпадение!

– Во всяком случае, ты сказал... Посмотри на небо!

– Нет, этого я не говорил!

– Что случилось со звездами?

Вот так и вышло, что Ринсвинд и Двацветок стали первыми двумя людьми на Диске, которые увидели, что готовит им будущее.

В тысяче миль под ними пик Кори Челести пронизывал небо, отбрасывая на бурлящие облака сверкающую, как нож, тень, так что богам тоже следовало бы обратить внимание на происходящее. Однако боги обычно не смотрят на небо; кроме того, сейчас они занимались тяжьбой с Ледяными Великанами, которые наотрез отказывались убавить звук своего радиоприемника.

К Краю по направлению движения Великого А'Туина звезды были сметены с небес.

В этом круге черноты сияла всего одна звезда, багровая и злобная, похожая на искру в глазнице бешеного хорька. Она была маленькой, ужасной и неотвратимой. Диск двигался прямо на нее.

Ринсвинд абсолютно точно знал, как следует поступать в подобных обстоятельствах. Он завопил и направил помело вертикально вниз.

Гальдер Ветровоск встал в центр октограммы и вскинул руки вверх.

– Уршало, дилептор, к'хула, исполните мое повеление!

Над его головой образовался легкий туман. Гальдер искоса взглянул на Траймона, который с надутым видом стоял на краю магического круга, и сказал:

– Следующий кусок будет особо впечатляющим. Смотри. Кот-б'хай! Кот-шам! Ко мне, о духи маленьких, отдельно стоящих скал и встревоженные мыши не менее трех дюймов длиной!

– Что? – переспросил Траймон.

– Этот пассаж потребовал долгих изысканий, – согласился Гальдер. – Особенно кусок про мышей. Но на чем это я остановился? Ах да...

Он снова воздел руки. Траймон наблюдал за ним, рассеянно облизывая губы. Старый болван сосредоточился, с головой уйдя в заклинание и почти позабыв о своем коллеге.

По комнате прокатились магические слова. Они отскакивали от стен и торопливо скрывались за полками и сосудами. Траймон застыл в нерешительности.

Гальдер прикрыл глаза и с застывшим в экстазе лицом выговорил последнюю руну.

Траймон напрягся, его пальцы снова обхватили рукоять ножа. Гальдер открыл один глаз, кивнул молодому волшебнику и метнул заряд магической силы, который распластал юного соперника о стену.

Гальдер подмигнул ему и опять поднял руки.

– Ко мне, о духи...

Последовали раскат грома, коллапс света и мгновение полной физической неуверенности, в течение которого стены и те вывернулись наизнанку. Кто-то резко втянул в себя воздух, затем послышался глухой увесистый шлепок.

В комнате наступила внезапная тишина.

Несколько минут спустя Траймон выполз из-за кресла, отряхнулся от пыли, просвистел несколько случайных тактов и, с преувеличенным вниманием глядя на потолок, как будто никогда не видел его раньше, повернулся к двери. Нечто в его движениях наводило на мысль о том, что он пытается побить мировой рекорд по непринужденной ходьбе.

Сундук прижался к полу в центре круга и открыл крышку.

Траймон остановился и очень-очень осторожно обернулся, страшась того, что ему предстоит узреть.

В Сундуке вроде бы лежало чистое белье, от которого слабо пахло лавандой. Почему-то это было самым устрашающим зрелищем, которое когда-либо видел волшебник.

– Ну что ж, э-э... – промямлил он. – Ты случайно, гм, не видел поблизости еще одного волшебника?

Сундук умудрился принять еще более угрожающий вид.

- О, - сказал Траймон. - Что ж, прекрасно. Это неважно.

Он рассеянно потянул на себя край своей мантии и ненадолго погрузился в изучение деталей вышивки. Когда он поднял глаза, ужасный ящик стоял на прежнем месте.

- До свидания, - выпалил Траймон и бросился бежать.

Ему удалось захлопнуть дверь как раз вовремя.

- Ринсвинд?

Ринсвинд открыл глаза. Не то чтобы это ему помогло. Если раньше он не видел ничего, кроме черноты, то сейчас он не увидел ничего, кроме белизны. Как ни удивительно, это было намного хуже.

- С тобой все в порядке?

- Нет.

- А-а.

Ринсвинд подтянулся и сел. Похоже, они приземлились на запорошенной снегом плите, но каким-то очень уж необычным показался ему этот камень. Во-первых, камни не двигаются...

Мимо Ринсвинда проносились хлопья снега. Двацветок сидел рядом, и его лицо выражало искреннюю озабоченность.

Волшебник застонал. Его кости были очень недовольны недавним обращением и выстраивались в очередь, чтобы предъявить свою жалобу.

- И что теперь? - спросил он.

- Помнишь, когда мы летели, я забеспокоился, как бы не наткнуться на что-нибудь в этой буре? Ты еще сказал, если мы на что-то наткнемся, то только на облако, набитое каменными плитами...

- Ну и?

- Откуда ты знал?

Ринсвинд оглянулся по сторонам, но если судить по разнообразию и занимательности окружающего его ландшафта, они с Двацветком могли с тем же успехом сидеть внутри шарика для пинг-понга.

Плита под ними... ну, была самой что ни на есть плитовой. Ринсвинд провел по ней руками и почувствовал оставленные долотом царапины. Приложив к холодному мокрому камню ухо, он вроде бы расслышал глухие медленные удары, похожие на биение сердца. Ринсвинд подполз к краю и с величайшей осторожностью посмотрел вниз.

В этот момент камень, должно быть, пролетел над разрывом в облаках, потому что перед Ринсвиндом на мгновение предстала туманная, но страшно далекая панорама зазубренных горных пиков. Падать до них было очень долго.

Волшебник что-то неразборчиво пробулькал и медленно, дюйм за дюймом, пополз назад.

- Это смешно, - сказал он туристу. - Каменные плиты не летают. Они славятся именно тем, что этого не делают.

- Может, они летали бы, если б могли, - предположил Двацветок. - А эта как раз научилась.

- Будем надеяться, что она не разучится, - отозвался Ринсвинд.

Он съежился в своем промокшем балахоне и мрачно посмотрел на окружающее облако. Он допускал, что где-то в мире есть люди, которые могут как-то

контролировать свою жизнь. Они встают по утрам и ложатся в постель с разумной уверенностью, что не упадут за Край света, не будут атакованы какими-то придурками и не очнутся, сидя на плите, которая занеслась слишком высоко. Ринсвинд смутно припомнил, что он тоже когда-то вел такую жизнь.

Волшебник принялся. От плиты пахло жареным. Запах, казалось, исходил откуда-то спереди и зывал прямо к желудку.

- Ты что-нибудь чуешь? - спросил он.

- Думаю, это ветчина, - ответил Двацветок.

- Я надеюсь, что это ветчина, - сказал Ринсвинд. - Потому что я собираюсь ее съесть.

Он поднялся на подрагивающем камне и потрусил вперед, в гущу облаков, вглядываясь во влажную темноту.

На переднем - ведущем - крае плиты у небольшого костерка сидел в позе «лотоса» невысокий друид. Его голову прикрывал завязанный под подбородком квадратный кусок клеенки. Декоративным серпом друид помешивал на сковородке кусочки ветчины.

- Предупреждаю, с угонщиками я буду расправляться сурово, - заявил он и яростно чихнул.

- А мы тебе поможем, - вызвался Ринсвинд, с тоской взирая на подгорающую ветчину.

Его высказывание слегка озадачило друида, который, к удивлению Ринсвинда, оказался не так уж и стар. Теоретически волшебник допускал, что в мире должны существовать молодые друиды, просто он никогда не пытался представить их себе.

- Так вы не собираетесь угонять мою плиту? - спросил друид, опуская серп.

- Я даже не знал, что камень можно угнать, - устало ответил Ринсвинд.

- Извини, – вежливо вмешался Двацветок. – Кажется, твой завтрак горит.

Друид глянул вниз и принялся без особого успеха хлопать руками по языкам пламени. Ринсвинд поспешил ему на помощь. Поднялось изрядное количество дыма, пепла и суматохи, однако разделенный триумф по поводу спасенных кусочков подгоревшей ветчины сделал больше, чем целая книга по дипломатии.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Не будем их подробно описывать, поскольку даже самые симпатичные выглядят как помесь осьминога с велосипедом. Хорошо известно, что Твари из Отвратительных Измерений постоянно пытаются проникнуть в эту вселенную, которая в духовном смысле считается местом с хорошим автобусным сообщением и близко расположенными магазинами.

2

Все, что сделано из груши разумной, будет следовать за своим хозяином повсюду, поэтому ее древесину зачастую использовали для изготовления погребальных чемоданов, которые клали в могилы богатых мертвых королей – монархи хотели быть уверенными, что начнут новую жизнь, имея под рукой пару

чистого белья.

3

Чар – основная единица магической силы. За нее повсеместно принимается количество магии, необходимое для создания одного маленького белого голубя или трех бильярдных шаров нормального размера.

Купить: <https://telnovel.com/terri-pratchett/bezumnaya-zvezda>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)